

ФОЛЬКЛОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Гулбахор Шерзодовна УЗАКОВА

ассистент

Самаркандский государственный университет

имени Шарафа Рашидова

Самарканд, Узбекистан

e-mail: uzakova.guli@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается значимость фольклорных элементов в литературных процессах на постсоветском пространстве с акцентом на русскую и узбекскую литературу. На примерах произведений рубежа XX и XXI веков показывается, как фольклорные образы и структуры продолжают формировать современные художественные миры. Особое внимание уделяется их роли в трансформации этнических и национальных культурных кодов, а также интеграции фольклора в литературные тексты как инструмента для переосмыслиения традиций в условиях глобальных изменений.

Ключевые слова: фольклор, современное мышление, русская литература, узбекская литература, культурные коды, традиция, глобализация, мифопоэтика.

ФОЛЬКЛОР ВА УНИНГ ЗАМОНАВИЙ АДАБИЙ ТАФАККУРГА ТАЪСИРИ

Гулбахор Шерзодовна УЗАКОВА

ассистент

Шароф Рашидов номидаги Самарқанд давлатуниверситети

Самарқанд, Ўзбекистон

e-mail: uzakova.guli@gmail.com

Аннотация

Ушбу мақолада постсовет худудидаги адабий жараёнларда фольклор элементларининг аҳамияти таҳлил қилиниб, бу жараёндаги рус ва ўзбек адабиётларига алоҳида эътибор қаратилган. XX аср охири XXI аср бошларида ёзилган асарлар мисолида фольклор образлари ҳозирги ижодий тафаккурни қандай шакллантираётгани кўрсатилган. Шунингдек, этник ва миллий маданий кодларни трансформация қилишда, фольклорни глобал ўзгаришлар даврида анъаналарни қайта шарҳлаш воситаси сифатида адабий матнларга интеграция қилиш усуllibарига алоҳида эътибор қаратилган.

Таянч сўзлар: фольклор, замонавий тафаккур, рус адабиёти, ўзбек адабиёти, маданий кодлар, анъана, глобаллашув, мифопоэтика.

Фольклор представляет собой не только исторический пласт устного народного творчества, но и активный компонент современной культуры, укорененный в коллективном сознании и продолжающий оказывать значительное влияние на культурное развитие. В условиях XXI века, когда глобализация, цифровизация и стремительные изменения охватывают все сферы жизни, фольклор сохраняет свою актуальность. Его образы, мифологические сюжеты, сказочные архетипы, символы и ритуалы становятся объектами переосмыслиния и трансформации, наполняясь новыми смыслами, которые отражают изменяющиеся представления общества о мире и человеке.

Эти элементы фольклора играют роль культурных и эмоциональных кодов, через которые современные писатели передают свои взгляды на реальность, исследуют вопросы самоидентификации и переосмыляют связь с традицией. Как в русской, так и в узбекской литературе фольклорные мотивы становятся инструментом выражения национальной идентичности и отражения социальных трансформаций. Они интегрируются в художественные концепции авторов, становясь посредником между прошлым и настоящим, традицией и современностью.

Целью данной статьи является систематизация и анализ значимости фольклорных элементов в литературном процессе на постсоветском пространстве с акцентом на русскую и узбекскую литературу. На примере произведений рубежа XX–XXI веков мы стремимся показать, как фольклорные образы и структуры продолжают формировать современные художественные миры. Особое внимание уделяется их роли в трансформации этнических и национальных культурных кодов, а также способам интеграции фольклора в литературные тексты как инструменту переосмыслиния традиций в эпоху глобальных перемен.

Фольклор в широком понимании – это совокупность народных преданий, легенд, сказок, песен, эпосов, обрядовых текстов и ритуалов, трансляция которых из поколения в поколение обеспечивала культурную

преемственность [11]. Также «фольклор отражает историю, образ жизни, этнографию и мировоззрение народа. Его глубокое изучение помогает раскрыть философские и художественные аспекты народного мышления и культуры» [6; 5].

С точки зрения современной культурологии, фольклор не является «прошлым», он находится в постоянном процессе обновления. Даже в условиях урбанизации, массовой культуры и растущего влияния электронных медиа народное творчество находит новые формы: переходит в интернет-мемы, переосмысливается в литературных текстах и трансформируется в сценариях сериалов, видеоигр и анимации. О фольклоре, как об основе художественного творчества, невозможно выразиться точнее, чем это сделано в исследовании: «фольклорные мотивы – это универсальный инструмент, позволяющий раскрыть внутренний мир человека и передать актуальные проблемы через образы и символы, глубоко укорененные в истории» [13; 78].

В русской литературе влияние фольклора традиционно ассоциируется с XVIII-XIX веками, эпохой романтического интереса к народной культуре (сборники сказок Афанасьева, пушкинские сказки, интерес славянофилов к древним былинам) [4]. Однако и в XXI веке мы видим яркие примеры обращения к фольклорным мотивам у современных авторов, стремящихся переосмыслить национальную мифопоэтику в контексте глобальных вызовов. Например, в романах современной русской писательницы Марии Галиной заметны фольклорные коды, проявляющиеся в образах сверхъестественных существ, мотивов «леса» как архаического пространства инициации [5].

В узбекской литературе фольклорные архетипы глубоко вмонтированы в традицию: образы из «Алпомыша», эпические герои и мифы Центральной Азии продолжают резонировать в текстах молодых узбекских авторов, пишущих уже после независимости.

Современное мышление неоднородно: в нем сочетаются рационализм и иррациональность, технологическая продвинутость и архаические структуры сознания. Фольклор здесь работает как «кодер» сложных смыслов, переводящий социальные драмы, политические конфликты и личные дилеммы на язык архетипических сюжетов. Например, экологические проблемы могут «повествоваться» через метафору «злых духов», умирающих лесов или исчезающих рек, а социальная несправедливость может переосмысливаться через образ хитрого персонажа-трикстера, который обманывает «господ» или представителей власти.

Символика фольклора, заложенная в коллективном бессознательном, позволяет современным авторам и мыслителям наполнять тексты множеством отсылок, узнаваемых читателем на интуитивном уровне. С помощью разных реминисценций современные писатели могут иронизировать над старыми сюжетами, деконструировать их или наоборот, целенаправленно реставрировать. «Легкость, с которой фольклорный нарратив оперирует фактами, переплетая их с традиционными мотивами, позволяет создать свою, неофициальную, но оттого вовсе не недостоверную версию событий. Несколько противоречащих друг другу объяснений одного и того же явления не отменяют ощущения их достоверности, а, напротив, добавляют объемности и многоплановости [8; 9].

В постсоветской России интерес к фольклору проявляется в жанрах фэнтези, магического реализма, а также в интеллектуальной прозе. Рассмотрим несколько кейсов. В романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» фольклорные символы преобразуются в постмодернистскую игровую структуру, где традиционные элементы теряют свое прямое значение и приобретают философско-ироническое звучание. Один из ярких примеров – образ Чапаева. В русской культуре он ассоциируется с героическим фольклорным персонажем, олицетворяющим борьбу за справедливость, храбрость и близость к народу. Однако в романе Пелевина Чапаев переосмысливается как фигура, обсуждающая буддийские и

экзистенциальные вопросы. В диалоге между Чапаевым и Пустотой Чапаев заявляет:

« – Как только я знаю, – продолжил я, – я уже несвободен. Но я абсолютно свободен, когда не знаю. Свобода – это самая большая тайна из всех» [10; 315]. Эта реплика трансформирует героя народного эпоса в носителя философии, связанной с утратой индивидуального «я» и осмысливанием пустоты, что соответствует постмодернистской стратегии деконструкции и пересмотра традиционных архетипов. Чапаев становится не героем, борющимся за народ, а наставником, призывающим к метафизическому постижению реальности. Таким образом, Пелевин использует фольклорный образ не как данность, а как основу для создания многослойной игры смыслов, сочетая элементы традиции с философскими и культурными контекстами постсоветской эпохи.

Несмотря на то, что текст армянского происхождения, он был воспринят и в России, и в нем есть мотивы пространств-лабиринтов, связанных с фольклорной мифопоэтикой – идеей «дома» как магического центра, где инициация героя напоминает фольклорный ритуал перехода [4]. Многие региональные авторы (например, Ольга Славникова в «2017») обращаются к символике Урала, старым горным легендам, интегрируя фольклорные образы в сюжеты о столкновении современности и традиции.

После обретения независимости в 1991 году узбекская литература пережила период активной перестройки, поиска национальных корней и обновления художественных форм. Народный эпос, сказки, легенды стали основой для многих повествовательных стратегий.

Повесть Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» (узб. «От кишнаган оқшом») является ярким примером узбекской литературы, где органично переплетаются элементы фольклора с современными художественными концепциями [9]. Произведение не только отражает традиционные образы и мифологические сюжеты, но и демонстрирует, как

фольклор способен влиять на современное мышление, интерпретируя вечные темы через призму актуальных культурных и социальных реалий.

Одним из ключевых символов повести является конь Тарлан. Этот образ восходит к древним узбекским мифам, где конь представляет собой сакральное существо, связующее миры: земной и небесный. В традиционной узбекской культуре конь олицетворяет силу, свободу и верность, а в контексте мифологии его образ нередко ассоциируется с героизмом и божественным покровительством. В повести Тарлан выступает не просто мифологическим архетипом, но и символом утраченной гармонии между человеком и природой. Через его образ автор акцентирует внимание на разрыве между традиционным укладом жизни и современным миром, наполненным прагматизмом и утратой духовных ориентиров.

Тагай Мурад органично вплетает в текст элементы узбекских обрядов, верований и легенд. В описаниях природы, поведения персонажей и их внутреннего мира звучат отголоски древних преданий. Например, вечерние сумерки и загадочное ржание коня вызывают у героев ощущение сакрального, что подчеркивает влияние фольклорного восприятия мира. Обряды, связанные с конем и природой, подчеркивают значимость гармонии человека с окружающим миром и его обязанность сохранять эту гармонию. Образы, используемые в повести, часто несут символическое значение. Конь Тарлан становится метафорой ускользающего времени, культурной идентичности и связи с корнями. Через него автор исследует вопросы, связанные с трансформацией традиционного мышления под влиянием современности.

Тагай Мурад не просто воспроизводит фольклорные мотивы, но и переосмысливает их в контексте современности. Например, образ Тарлана приобретает черты трагического символа, подчеркивающего конфликт между традиционным и современным мировоззрением. Повесть затрагивает универсальные темы, такие как ответственность человека перед природой, уважение к предкам и необходимость сохранения духовных ценностей.

Фольклорные элементы усиливают эти темы, делая их более значимыми для современного читателя.

Повесть Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» является образцом того, как фольклор может интегрироваться в современную литературу, не теряя своей глубины и значимости. «Тагай Мурад вписывает в сюжет конкретное пространство Сурхандары, горные кишлаки Байсона, которое породило легендарный «Алпомыш». Поэтому правомерным героем всего повествования является конь Тарлан. В повести, как и в народном сказании, порок наказан и добро побеждает, что несколько снижает логическую мотивированность финала произведения. Следует подчеркнуть, что tandem «человек – конь» – это счастливый прецедент для восточного повествования» [3; 36]. Автор использует фольклорные образы и мотивы, чтобы акцентировать внимание на ключевых проблемах современного общества, таких как утрата духовных ориентиров, конфликт между традицией и прогрессом, необходимость бережного отношения к природе и культурному наследию. Эта повесть не только продолжает традицию узбекской литературы, но и расширяет ее границы, показывая, как фольклор может формировать современное мышление и помогать людям переосмысливать свою связь с прошлым и настоящим.

Некоторые писательницы обращаются к фольклорным образам животных или героинь легенд, чтобы выразить свои идеи. Например, в произведениях Гулжахон Мардоевой героини часто ассоциируются с мифическими образами, символизирующими свободу и связь с предками [7], показывая, как фольклор становится средством осмысления женской идентичности в современном обществе. В романе «Кўкка учган тулпорлар» (“Лошади уходят в небо”) обращение к фольклорным образам становится мощным инструментом для выражения идей, связанных с женской идентичностью, свободой и преемственностью культурных традиций. Особое внимание уделяется образам животных и мифических существ, которые, несмотря на их традиционную связь с фольклором, обретают новую

символическую нагрузку в контексте современного мира. Лошади становятся центральным символом, который воплощает не только физическую, но и духовную свободу. В узбекском фольклоре лошадь традиционно ассоциируется с верностью, силой и связью с высшими мирами. Мифический характер этих животных в романе усиливает их роль как проводников между земным и небесным, что позволяет героям осмыслить свои внутренние трансформации и преодолеть ограничения, навязанные обществом. Автор через фольклорные образы подчеркивает связь между прошлым и настоящим, показывая, как традиционные мифы могут быть переосмыслены в современных реалиях. Легенды и мифические персонажи в ее романе становятся для героев источником силы и вдохновения, помогая им находить ответы на сложные вопросы и принимать важные решения. Через взаимодействие героинь с фольклорными элементами в романе подчеркивается идея преемственности между поколениями. Обращение к мифам и легендам помогает героиням чувствовать связь с предками и черпать из них силы для создания нового будущего, в котором они могут быть независимыми и самодостаточными. Этот роман демонстрирует, как фольклор может стать не только способом осмыслиения культурной идентичности, но и инструментом для выражения женского опыта в современном обществе. В результате ее произведение становится многослойным текстом, соединяющим фольклорную символику с глубокими философскими размышлениями о роли женщины в мире.

Современная литература нередко относится к фольклору иронически или деконструирует его. Писатели могут намеренно смешивать противоположные коды: сказочный сюжет внедряется в реальность мегаполиса или фантастические существа сопровождают героя-чиновника. Такая игра отражает гибкость современного мышления, которое не боится противоречий.

В русском контексте подобную стратегию можно увидеть у Людмилы Улицкой, когда в отдельных рассказах присутствуют намеки на народные

архетипы мудрого старца или знахарки, но они поданы сквозь призму городской интеллигенции и современного бытового сюжета. В узбекской литературе можно встретить примеры «внутренней эмиграции» героя в мир старых сказаний для объяснения абсурдности городской бюрократии.

Не стоит забывать, что фольклор может использоваться в национальных идеологиях. Государства, стремящиеся укрепить национальную идентичность после распада бывшего Союза, обращаются к фольклору как к «чистому источнику» этнической культуры, видя в нем основу для формирования патриотизма, национального единства [11]. В литературе это проявляется через тексты, где герои являются воплощением национальных идеалов, опирающихся на мифологию народа.

Однако в качественной художественной литературе авторы подходят к фольклорным мотивам более тонко, не сводя их к примитивной пропаганде, а используя для глубокого анализа прошлого и настоящего.

Современный читатель знаком с фольклором часто опосредованно – через детские книги, экранизации, учебники. Но литературные тексты для взрослых могут усложнять фольклорную символику, делать ее многослойной. Так, встречая в романе мотив мифического зверя, читатель может интерпретировать его как символ психологического кризиса героя или социального конфликта.

Этот процесс говорит о том, что фольклор по-прежнему формирует способы восприятия, предлагая стереотипы и модели мышления. Для читателя фольклорная метафора нередко более убедительна, чем прямолинейная авторская декларация, поскольку она апеллирует к глубинным пластам коллективного бессознательного [2].

Традиционный фольклор часто ориентирован на коллективное: он повествует о судьбе народа, общины, рода. Современная литература, напротив, сконцентрирована на личности, ее внутреннем мире. Но даже при индивидуализации авторы могут использовать фольклор как контрастный фон. Герой XXI века может ощущать себя «последним богатырем» или

«утратившим язык, на котором говорили предки», что подчеркивает разрыв с прошлым и одновременно желание восстановить связь.

Глобализация несет с собой культурную унификацию, потребительское мышление, утрату локальных идентичностей. Фольклор может противостоять этому процессу, выступая хранителем специфического мировоззрения. В современной литературе мы можем увидеть, как авторы нарочно внедряют в свои тексты диалектизмы, фольклорные речения, упоминания о традиционных обрядах, чтобы закрепить национальную самоидентификацию.

Например, в некоторых узбекских произведениях авторы сознательно используют фольклорные мотивы, чтобы осуществить разделение между «чужим» и «своим», чтобы подчеркнуть культурную уникальность региона. В некоторых поэмах XXI века может быть введен древний эпический лексикон, отсылающий к традиционному образу жизни кочевников, напоминая читателю о корнях, которые нельзя сводить к западным штампам [12].

Помимо «высокой» литературы, фольклор проникает в жанры фантастики, детектива, любовного романа. Русские авторы фантастики нередко вводят фольклорных существ – леших, русалок – в миры техноПРОгресса, создавая гибридные жанры. Узбекские писатели помещают героев-современников в ситуации, напоминающие испытания из эпоса.

Современная теория литературы рассматривает фольклор как интертекстуальный ресурс. Каждый текст, обращаясь к фольклору, вступает в диалог не только с древними анонимными авторами, но и с другими современными текстами, уже использовавшими эти мотивы. Таким образом, фольклорные элементы становятся узлами сложной интертекстуальной сети, в которой формируется современное мышление – мышление, свободно «скачущее» от традиции к инновации.

Сравнивая русскую и узбекскую литературу, мы видим как различия, так и сходства в использовании фольклора. Русская традиция часто

обращается к славянской мифологии, христианско-языческому синтезу. Узбекская – к эпосу о героях-правителях, романтическим легендам о любви, мистике пустыни и оазисов. Но все три традиции сейчас испытывают сходный вызов: как интегрировать эту архаику в постмодернистский, глобализированный контекст, не потеряв глубину.

Фольклор остается неотъемлемой частью современного культурного пространства, формируя уникальные модели мышления и мировосприятия. Его богатый арсенал символов, архетипов и сюжетов позволяет авторам, исследователям и мыслителям обращаться к глубинным слоям коллективного бессознательного, чтобы находить ответы на актуальные вопросы современности. Как было показано в данной статье, фольклор не только сохраняет свою связь с историей, но и становится активным инструментом для интерпретации новых социальных, экологических и культурных вызовов.

В русской и узбекской литературе фольклорные мотивы выполняют функцию моста между традицией и современностью, предлагая авторам возможность не только сохранять национальную идентичность, но и обогащать свои произведения интертекстуальными слоями. Пример анализа произведений показывает, как мифопоэтика адаптируется к новым условиям, сохраняя свою универсальность и глубокую символическую значимость.

В условиях глобализации фольклор приобретает новую роль – он становится хранителем уникальности, способом сопротивления культурной унификации и инструментом переосмысливания традиций в эпоху цифровых технологий. Его элементы, интегрированные в литературу, искусство и массовую культуру, обеспечивают связь поколений и позволяют современному человеку находить ответы на сложные вопросы идентичности и самоопределения.

Таким образом, фольклор продолжает оказывать мощное влияние на современное мышление, наполняя его многослойностью, глубиной и мудростью традиции. Это влияние невозможно переоценить, так как именно

через фольклорные образы и архетипы человечество сохраняет связь с прошлым, черпая вдохновение для будущего. Фольклор, будучи основой культуры, остается не только историческим феноменом, но и живой, динамичной силой, которая помогает обществу адаптироваться к новым реалиям, сохраняя свою самобытность и богатство.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсегян А. Изменения и тенденции развития постсоветского культурного пространства // Инновационная наука, 2015. – №6.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975.
3. Бобохонов М. Психологические доминанты повести Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь» // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. – № 20 (235). Филология. Искусствоведение. Выпуск 56. – С. 35-37.
4. Гаврилова Л. Рецепция фольклора в русской литературе XVIII–XIX веков: проблемы интерпретации. – СПб.: СПбГУ, 2012.
5. Галина М. Автохтоны: роман // Новый мир, 2015. – № 3.
6. Лотман Ю. О семиотике пространства в художественном тексте. // Лотман Ю.М. Избранные статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992.
7. Мардонова Г. Кўкка учган тулпорлар: Роман. – Ташкент: BOOKMAY PRINT, 2024. – 388 б.
8. Мороз А., Петров Н. Между мифом и историей: Мифология пространства в фольклоре Русского Севера. – Москва: Форум, Неолит, 1989.
9. Мурад Т. Сумерки, когда заржал конь. <https://www.ziyouz.uz/ru/proza/uzbekskaya-sovremennoyaproza/629-2012-09-06-11-59-34>
10. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – Москва: ВАГРИУС, 2001. – 339 с.
<http://pelevin.nov.ru/romans/pe-pust/9.html>

11. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. – Москва: Наука, 1946.
12. Фахриер. Аёлғу: шеърлар ва достонлар. – Тошкент: Шарқ, 2000. – 256 б.
https://n.ziyouz.com/books/uzbek_zamonaviy_sheriyati/Faxriyor.%20Ayolg'u.pdf
13. Эшонқул Ж. Ўзбек фольклорида туш ва унинг бадиий талқини. – Тошкент: Фан, 2011. – 304 б.